

СУРГУЧЕВ АКИМ

Ты ищешь правду.
А она ищет **тебя**.

КТО ТЫ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Алина

Вопросы

1. Кто она?
2. Что произошло тогда?
3. Почему все молчат?
4. Кто следующий?

Главное — не верить
никому

Иногда правда страшнее, чем ложь

Аким Сургучев

Кто ты на самом деле?

<https://litres.ru/73890591>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один семестр. Один университет. И вопрос, который изменил всё: Кто ты на самом деле?

Алина — первокурсница, которая случайно оказывается втянута в цепочку событий, связанных с исчезновением человека, внутренними расследованиями и людьми, у каждого из которых своя правда. То, что начинается как попытка разобраться, постепенно превращается в наблюдение за тем, как рушатся и собираются заново судьбы — преподавателей, студентов, тех, кто привык считать себя в стороне.

Здесь нет простых ответов и чётких границ между правильным и неправильным. Есть только выборы — иногда тихие, иногда необратимые. И последствия, которые невозможно отменить.

Это история о взрослении внутри системы, о доверии, которое всегда неполное, и о людях, которые продолжают жить даже тогда, когда привычные ориентиры исчезают.

И о том, что некоторые вопросы не заканчиваются. Они просто начинают жить вместе с тобой.

Содержание

Глава 1. Кто ты на самом деле?	4
Глава 2. Анонимно	9
Глава 3. Тот, кого не ищут	13
Глава 4. Что осталось от него	17
Глава 5. Расстояние в три метра	21
Глава 6. Ближе, чем следует	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Аким Сургучев

Кто ты на самом деле?

Глава 1. Кто ты на самом деле?

* * *

Дождь начался ровно в тот момент, когда Алина Соколова поняла, что заблудилась.

Не в буквальном смысле — она знала, где находится корпус В, знала, что аудитория 214 именно там, на втором этаже, в конце длинного коридора с облупившейся краской и запахом застоявшегося кофе. Но что-то в этом утре — первом утре в Вернском университете — вызывало у неё ощущение, будто она идёт не туда. Не в ту жизнь.

Она остановилась под козырьком входа в главный корпус и посмотрела на двор.

Сентябрь здесь выглядел иначе, чем дома. Дома — это Саратов, панельная пятиэтажка, мать, которая провожала её на автобус и старательно не плакала. Здесь — тёмный каменный фасад девятнадцатого века, мокрые клёны, студенты в дорогих куртках, которые бегут под зонтиками и смеются так, будто дождь — это часть сценария их красивой жизни.

Алина подняла капюшон и пошла. У неё не было зонтика.

* * *

Аудитория 214 оказалась меньше, чем она представляла. Двенадцать рядов деревянных кресел, амфитеатром спускавшихся к кафедре, высокие окна с матовыми стёклами, сквозь которые дождь превращался в размытый монотонный шум. Паркет под ногами был старым — он поскрипывал на каждом шагу, и Алина, пока шла к своему месту, успела подумать, что в таком полу невозможно появиться незаметно. Треть мест была уже занята.

Алина выбрала место в четвёртом ряду — не слишком близко, не слишком далеко. Закон самосохранения.

Слева через одно кресло сидела девушка с короткими рыжими волосами и серьгой в носу, которая что-то рисовала в блокноте. Не конспектировала — именно рисовала: лабиринт с крошечными человечками внутри. Ни один из них не добирался до выхода.

— Первый раз на «Введении в криминальную психологию»? — спросила девушка, не поднимая взгляда.

— Да, — сказала Алина.

— Все говорят, что Марков жёсткий. — Она наконец посмотрела вверх. Глаза были зелёными, с тёмным ободком. — Но на самом деле он просто не терпит, когда ему врут. Говорит, что ложь всегда видна в структуре предложения.

— Это правда?

— Не знаю. Я первый раз вижу живого человека с такой теорией, поэтому пришла проверить.

— Вика, — сказала девушка и протянула руку так, как

протягивают мужчины на деловых переговорах.

— Алина.

— Ты из общежития?

— Блок Д.

— Там трубы стучат по ночам. Звучит как азбука Морзе, но это просто плохая сантехника.

* * *

Профессор Марков вошёл без предупреждения.

Никакого шума в дверях, никакого «добрый день» — просто появился у кафедры, положил папку, и аудитория как-то сама собой замолчала. Разговоры не оборвались резко — они просто угасли, постепенно, как будто кто-то убавил громкость.

Он был моложе, чем она представляла: лет тридцать восемь, не больше. Высокий. В тёмно-сером пиджаке, который выглядел дорого, но без демонстративности. Лицо — резкое, с глубоко посаженными глазами и чёткими скулами — было из тех лиц, которые сложно описать, но легко запомнить. Лицо человека, у которого всегда есть следующая мысль.

Он обвёл аудиторию взглядом — медленно, ряд за рядом. Его взгляд прошёл по четвёртому ряду. По ней. Остановился — на долю секунды — и двинулся дальше.

Или ей показалось.

— Меня зовут Дмитрий Марков. Я не буду объяснять вам, чем занимается криминальная психология. Вы это уже прочитали. Вместо этого я задам вам один вопрос. Ответ не ну-

жен сейчас. Ответ нужен вам самим, лично, в конце семестра.

Он взял маркер и написал на доске три слова крупно, без лишних движений.

Кто ты на самом деле?

— Большинство из вас думает, что криминальная психология — это изучение преступников. Это неверно. Это изучение того, как обычные люди приходят к необычным решениям. Граница между вами и человеком, который однажды переступит черту, тоньше, чем вам хочется думать.

Тишина в аудитории была другой, чем обычно. Не скучной — сжатой.

— Первое задание. Письменно, анонимно. Одна страница. Опишите момент в своей жизни, когда вы солгали и не пожалели об этом. Сдать до пятницы.

Рука поднялась в третьем ряду — парень с вьющимися тёмными волосами.

— А что если мы никогда не лгали?

Марков посмотрел на него. Несколько секунд — спокойно.

— Тогда у вас будет очень скучная жизнь. Или очень плохая память.

* * *

После лекции Алина задержалась. Смотрела на доску, где всё ещё стояло написанное маркером.

Кто ты на самом деле?

— Сильное начало, — сказала Вика. — Он или гений, или псих. Иногда это одно и то же.

— Ты его уже знаешь?

— Читала статьи. Он работал консультантом в следственном комитете лет пять назад. Потом ушёл и вернулся в академию. Никто не знает почему. Официальная версия — «личное решение».

Телефон завибрировал. Сообщение с незнакомого номера.

Не садись с ней. Она не тот человек, которым кажется.

Алина подняла взгляд. Вика уже шла к выходу. Парень с вьющимися волосами стоял у окна и смотрел на дождь — или делал вид, что смотрит на дождь.

Номер был местным. Университетским.

* * *

Дождь не прекращался до самого вечера.

В блоке Д трубы стучали ровно так, как обещала Вика. Алина лежала на узкой кровати, смотрела в потолок и думала о трёх вещах одновременно: о вопросе на доске, о сообщении, и о том, как взгляд профессора Маркова задержался на ней — на долю секунды дольше, чем должен был.

За стеной кто-то тихо плакал. Звук был живой, неровный, такой, который не сыграешь. Потом прекратился.

Она не знала, кто живёт за стеной. Но кто-то — уже знал её.

Глава 2. Анонимно

* * *

Задание Маркова Алина перечитала трижды. Не потому что не поняла — потому что не могла решить, какую ложь выбрать.

В конце концов закрыла ноутбук и пошла на кухню блока за кипятком, потому что делать что-то руками всегда помогало думать лучше.

Кухня была общей на весь этаж — шесть конфорок, один рабочий чайник, холодильник с чужими именами на контейнерах. За окном университетский двор уже почти опустел. Фонари горели — тот, у центрального входа, чуть мигал.

— Ты тоже не спишь из-за этого задания?

В дверях стоял парень с вьющимися тёмными волосами — тот, что спрашивал Маркова про ложь. В мятой футболке, с пустой кружкой. Под глазами тени — не от недосыпания, а от чего-то более постоянного.

— Нет, — сказала Алина. — Я не сплю из-за труб.

Он посмотрел в потолок, прислушался.

— А, это третий стояк. К нему привыкаешь через неделю.

Он прошёл к чайнику, налил кипятком в обе кружки — в свою и в её, хотя она не просила. Сделал всё это без попытки заполнить тишину — просто существовал рядом в ней, как будто тишина была чем-то нейтральным.

— Ты хотел посмотреть, как он реагирует на прямой вопрос, — сказала Алина. — Про ложь.

— Да.

— И?

— Он не ответил прямо. Что само по себе ответ.

— Антон, — сказал он наконец, не протягивая руки.

— Алина.

Он взял кружку, пошёл к выходу — потом остановился в дверях. Не оборачиваясь.

— Сообщение, которое ты получила на лекции. Я видел, как изменилось твоё лицо. Не бери в голову, если не знаешь от кого. Здесь иногда шутят со старых симок.

Он ушёл.

Я видел, как изменилось твоё лицо.

Он сидел в третьем ряду. Она — в четвёртом, с края. Чтобы видеть её лицо, ему нужно было смотреть именно на неё. Не на Маркова. Не на доску.

* * *

Вика появилась на следующий день с двумя стаканами кофе из автомата.

— Там внутри что-то похожее на американо. Или на жидкий уголь. Честно, я просто нажала кнопку наугад.

— Слушай, ты задание сделала?

— Почти.

— Я не могу придумать. — Просто. Без самоиронии. — Не могу придумать такую, о которой не пожалела бы. Это,

наверное, что-то говорит обо мне.

Алина не ответила. Но подумала, что это говорит о Вике гораздо больше, чем весь вчерашний разговор.

* * *

Марков пришёл на пять минут позже обычного.

Никто этого не заметил — кроме Алины. Он выглядел так же: тёмный пиджак, прямая спина. Но что-то было другим — как картина, которую передвинули на сантиметр. Потом поняла: он не посмотрел на доску с вопросом, когда вошёл. Раньше — смотрел. Быстрый, почти рефлекторный взгляд, как человек, который проверяет, на месте ли что-то важное. Сегодня — нет.

— Правильный текст — это то, что вы думаете, я хочу прочитать. Честный — это то, что есть. Разница обычно очень большая.

Он говорил о феномене ложной памяти. Алина записывала, но наблюдала: как он расхаживает между рядами, как иногда замолкает на секунду перед ключевой фразой. И как ни разу не встал так, чтобы его не было видно от двери.

Маленькая деталь. Почти незаметная. Она её заметила.

* * *

После пары Антон догнал её в коридоре.

— Думала о том, что я сказал?

— О симках?

— Да.

— Думала. И решила, что ты либо знаешь, кто это напи-

сал, либо сам написал.

Антон остановился. Смотрел на неё прямо — без вызова, без игры.

— Логично, — сказал он наконец.

— Это всё, что ты скажешь?

— Пока да.

Он сказал «пока» — не «нет». Алина это услышала.

* * *

Вечером она наконец написала задание. Один абзац. Про ложь, о которой не пожалела. Она не написала правду.

Написала другую ложь — похожую на правду, но не ту. Потому что настоящую отдавать незнакомому человеку она была не готова. Даже анонимно. Потому что слова, однажды написанные, существуют отдельно от тебя — и ты не знаешь, куда они уходят.

И только потом подумала: если Марков прав — если ложь всегда видна в структуре предложения — то что он прочитает в её тексте?

За стеной снова кто-то плакал. На этот раз она встала и постучала — три раза, тихо.

Тишина. Потом — очень тихий звук. Как будто человек за стеной задержал дыхание и ждал, когда она уйдёт.

В три часа ночи телефон завибрировал. Тот же номер.

Ты уже сдала задание?

Глава 3. Тот, кого не ищут

* * *

Его звали Павел Северов, и никто не заметил, что он исчез, ещё три дня.

Алина узнала об этом случайно — в очереди за едой в университетской столовой, где всегда пахло варёной капустой и чьей-то чужой усталостью. Две девушки впереди говорили вполголоса.

— Его сосед говорит, что кровать не разобрана с вторника.

— Может, уехал домой.

— Без вещей?

— Говорят, он был на семинаре Маркова в понедельник. И всё. Больше никто не видел.

Алина поставила поднос обратно на стойку. Есть расхотелось.

* * *

Листок о пропаже висел в административном корпусе — напечатанный, официальный. Павел Северов, двадцать два года, третий курс факультета психологии. Последний раз видели в понедельник, восемнадцатого сентября, около шестнадцати часов.

Фотография была студенческая, немного размытая. Светловолосый, широкоплечий. Выражение лица человека, кото-

рого попросили улыбнуться — и он улыбнулся, но думал в этот момент о чём-то другом.

Алина долго смотрела на фото. Потом достала телефон и сфотографировала листок. Руки сделали это раньше, чем голова успела задать вопрос — зачем.

* * *

В тот же вечер написала Вике: Ты слышала про Северова? Ответ через минуту: Да. Ещё вчера. Ты поздно.

Потом: Он был на семинаре Маркова. Это знают все, но никто не говорит вслух.

Алина думала о том, что «никто не говорит вслух» — это не оборот речи. Это означало, что люди думают об этом, но выбирают молчать. А молчание — это уже позиция.

Она написала: Почему не говорят?

Долгая пауза. Потом: Марков — не тот человек, о котором говорят плохо. Здесь.

* * *

Утром в четверг Марков вошёл в аудиторию и сделал то, чего не делал раньше.

Он закрыл дверь.

Не резко — просто плотно, с тихим щелчком замка. Пройдя к кафедре, положил папку, и несколько секунд стоял молча, глядя в окно. Снаружи был двор — мокрый, почти без людей, с одним голубем на парапете. Алина смотрела на его профиль и думала, что никогда раньше не видела, чтобы он делал паузу перед началом. Это было новым.

— Вы, вероятно, слышали, что один из студентов факультета не появляется с начала недели. Полиция работает. Администрация работает. Я прошу вас об одном: не строить версий вслух и не распространять информацию, которую вы не можете подтвердить.

Он посмотрел на аудиторию — медленно, ряд за рядом. Алина почувствовала, как его взгляд прошёл по ней и не задержался. Именно это: то, что не задержался, — она запомнила.

— Сегодня мы продолжаем тему когнитивных искажений в показаниях свидетелей. Страница сорок два.

И всё. Никто не спросил ничего.

Алина смотрела, как он пишет на доске, и думала: человек, которому нечего скрывать, не просит молчать. Он просит говорить с осторожностью. Разница маленькая — но она есть.

* * *

После лекции она задержалась. Намеренно.

Дождалась, пока выйдут все. Марков складывал бумаги.

— Вы хотите что-то спросить, — сказал он. Не вопросительно.

— Да. Северов был на вашем семинаре в понедельник.

— Да.

— Вы видели его после?

Пауза. Короткая — но она была.

— Нет.

— Он выглядел нормально? На семинаре?

— Он выглядел так же, как обычно. Насколько я могу судить. У меня двенадцать человек на семинаре, Соколова. Я не слежу за выражением лица каждого.

— Но вы заметили его достаточно, чтобы сказать «так же, как обычно».

Тишина.

— У вас острый ум, — сказал он наконец. Без интонации — не похвала и не предупреждение. — Это не всегда удобно для его обладателя.

Он взял папку. У двери остановился, не оборачиваясь.

— Северов пропускал мои семинары три раза подряд перед этим. В понедельник пришёл. Я не знаю, что это значит. Вы можете думать об этом сколько угодно.

Он вышел.

Алина стояла в пустой аудитории. Взяла маркер, написала рядом с вопросом на доске — маленькими буквами:

А ты?

Потом стёрла. Оба вопроса.

Глава 4. Что осталось от него

* * *

Комната Северова находилась в блоке А. Алина узнала номер от Вики, которая узнала его от кого-то с третьего курса.

Она не собиралась туда идти. Она туда пошла.

Суббота, одиннадцать утра. Коридор блока А был почти пуст. Пахло чужим шампунем и немного чем-то жареным с кухни.

Комната 118. Дверь была закрыта. Не опечатана — просто закрыта. Она постучала — рефлексивно. Тишина. Нажала на ручку. Дверь поддалась.

Две кровати — одна аккуратно застелена, вторая: накрыло сбито, подушка вмята. Как будто человек лёг — и встал резко. На стуле у кровати висела куртка. Тёмно-синяя. Выглядела так, как выглядят вещи, которые ждут хозяина — без осознания того, что ждут напрасно.

На столе у окна поверх учебников лежала тетрадь — обычная, в клетку.

Северов П.А. Семинар. Марков.

Она взяла тетрадь. Раскрыла на последней записи.

Почерк крупный, наклонный. Дата — понедельник, восемнадцатое. Запись обрывалась: «феномен проекции в контексте — » и дальше пусто. Как будто он отложил ручку, чтобы что-то сказать, и не вернулся.

На полях — пометки. Не учебные. Личные.

«Он это знает» — подчёркнуто дважды.

«Спросить? Нет.»

«Она сказала — не говори никому».

Последняя фраза — другими чернилами. Значит позже.

И рядом — маленький крест. Как отметка «конец».

Алина стояла с тетрадью в руках и чувствовала то узнавание, когда понимаешь, что держишь в руках что-то важное, но ещё не знаешь что именно.

Она сфотографировала страницу. Потом ещё две. Потом услышала шаги в коридоре и поставила тетрадь обратно.

За окном — внутренний двор блока А, маленький, с голыми кустами. На скамейке сидел Антон. Смотрел в телефон. Но Алина знала — так бывает, когда делают вид.

* * *

Он был у входа в блок, когда она спускалась.

— Ты знал, что я там, — сказала она.

— Я видел, как ты входила.

— И не остановил.

— Зачем? Ты взрослый человек.

— Ты знал Северова, — сказала она в утвердительном тоне.

Антон посмотрел в стакан. Долго.

— Мы пересекались.

— Это не ответ.

— Нет. Не ответ.

— Пометки в тетради. «Она сказала — не говори никому». Ты знаешь, кто это?

— Нет.

Она не знала, правда это или нет. И, что важнее — он это знал.

Они шли молча через двор. Молчание было не неловким — как будто оба думали об одном и не видели смысла приотворяться.

— Будь осторожна с тем, что ты ищешь. Не потому что это опасно. А потому что иногда находишь не то, что хотела.

— Я знаю, — сказала она. И пошла дальше.

* * *

Вечером Вика пришла с двумя мандаринами и видом человека, которому нужно поговорить.

Она села на подоконник, чистила мандарин и смотрела, как Алина работает за столом. Кожура снималась одной спиралью.

— Ты нашла что-нибудь?

— Пометки. «Она сказала — не говори никому». Ты знаешь, с кем он общался?

— На третьем курсе есть девушка. Её зовут Карина. Они с Северовым пересекались. Она последние две недели выглядит как человек, который что-то несёт сам. Без помощи.

— Ты ведёшь себя как следователь.

— Нет. Я просто не умею останавливаться.

— Это не всегда хорошее качество.

— Знаю. Мне уже сегодня говорили.

Глава 5. Расстояние в три метра

* * *

В следующий понедельник Марков опоздал на восемь минут.

Алина засекла. Восемь минут для человека, который никогда не опаздывал, было событием. Он выглядел иначе — что-то было сдвинуто, как картина, которую передвинули на сантиметр, и ты не можешь сказать что именно, но чувствуешь.

— Сегодня мы разбираем профиль психологического манипулятора. Не в бытовом смысле. В клиническом.

Алина записывала. Но смотрела: как он держит маркер. Обычно — уверенно, как продолжение руки. Сегодня на долю секунды сжал крепче, когда писал на доске. Почти незаметно.

* * *

После лекции она не задержалась.

Это было сознательное решение. Оставаться после каждой лекции начинало быть слишком заметным — для него, для других, для неё самой. Это превращалось в ритуал, а ритуалы опасны тем, что начинают казаться необходимыми.

Она шла и думала о расстоянии в три метра — о том, как он стоял у кафедры, а она у первого ряда, и как это было правильным расстоянием. Нейтральным.

Именно поэтому она его запомнила. Именно потому что оно было правильным — оно и было неправильным.

* * *

Карину Алина увидела в библиотеке. Девушка сидела за угловым столом, спиной к залу, с наушниками. Ссутулившись, обхватив себя руками — как будто удерживала что-то внутри.

— Карина?

Девушка вздрогнула. Лет двадцать, тёмные волосы, бледная — не от природы, а от недосыпания.

— Прости. Я Алина, первый курс. Я слышала, что ты была знакома с Северовым.

— Кто тебе сказал?

— Не важно. Я не иду в полицию. Я просто пытаюсь понять.

— Зачем?

— Не знаю, — сказала Алина честно. — Наверное, потому что никто больше не пытается.

Карина вытащила наушники. Положила телефон на стол.

— Мы дружили. Не близко. В последнее время он был не в себе. Нервничал. Потом в какой-то момент сказал, что знает кое-что, что не должен знать.

— О чём?

— Не сказал. Я попросила его не говорить никому, пока не разберётся сам. Потому что испугалась, что если скажет — станет хуже.

— Ты думаешь, твоя просьба... что это как-то связано?

Карина подняла взгляд. В нём была вина. Живая, не затихающая.

— Я думаю об этом каждый день.

— Что он знал? У тебя есть хоть какое-то предположение?

— Он говорил о семинаре. Что там что-то увидел. Не уточнял. Но сказал одну фразу — я запомнила.

— Какую?

— «Некоторые люди создают ситуации, а потом изучают их. И я не знаю, где здесь граница».

Алина почувствовала, как что-то холодное прошло вдоль позвоночника. Не страх — узнавание.

Некоторые люди создают ситуации, а потом изучают их.

Она думала об этом и чувствовала, как внутри что-то очень медленно складывается в фигуру, которую она пока не хотела называть.

Глава 6. Ближе, чем следует

* * *

В среду вечером Марков был в кабинете.

Алина шла мимо и увидела полоску света под дверью с табличкой «Д. Марков, кафедра криминальной психологии». Золочёные буквы, немного потускневшие. Кто-то когда-то сделал эту табличку с расчётом на долгое присутствие.

Она остановилась. Постояла секунд десять. Постучала.

— Войдите.

Кабинет был небольшим. Стол у окна, два кресла, стеллажи от пола до потолка. Книги в два ряда, плотно — только корешки, только содержание. Никаких личных вещей: ни фотографий, ни безделушек, ни того маленького беспорядка, который говорит «здесь живут». Как будто человек готов уйти в любой момент и не оставить следа.

— Соколова. — Без удивления.

— Я не помешаю? — спросила Алина, уже войдя.

— Садитесь.

Стол между ними — метр полированного дерева — был формальным и правильным.

— Я хотела спросить про Северова.

— Я уже отвечал на ваши вопросы.

— Не на все.

Он отложил ручку. Посмотрел на неё — не как обычно,

когда взгляд был инструментом. Сейчас в нём было что-то другое. Усталость, может быть. Или что-то, что выглядит как усталость, но ею не является.

— Что именно вас интересует?

— Что он знал. Северов сказал кое-кому, что узнал что-то, что не должен был. После вашего семинара. Или на нём.
Долгая пауза.

— Вы разговаривали с Кариной Лесовой. — Не вопрос.
Утверждение.

— Да.

Он встал. Прошёл к окну. Встал спиной, смотрел в стекло. Алина видела его отражение — размытое, как всё за окном — и думала, что он, наверное, тоже видит её отражение. Оба смотрят на призраков друг друга.

— На семинаре я использую метод провокации. Это педагогический инструмент. Я создаю ситуации, которые вызывают реакцию — и мы разбираем эту реакцию. Иногда студентам это некомфортно.

— Северову было некомфортно?

— Северов реагировал интенсивно. На некоторые темы.

— На какие?

Молчание.

— Это конфиденциальная информация.

— Он пропал.

— Я знаю.

— Тогда, может быть, конфиденциальность — не самое

важное прямо сейчас.

Он обернулся — быстро, без предупреждения. Смотрел на неё прямо. В его взгляде было несколько слоёв, она успела прочитать только верхний.

— Соколова. Вы первокурсница. Вы здесь три недели. Вы не знали Северова. Почему это для вас важно?

Она думала — честно.

— Потому что за стеной от меня кто-то плакал несколько ночей подряд. И потом перестал. И я не могу об этом не думать.

Что-то в его лице изменилось — очень тонко, как если бы внутренняя температура упала на градус.

— За стеной от вас. В блоке Д.

— Да.

— Номер вашей комнаты?

— Двести четырнадцать.

Он смотрел на неё. Потом отвёл взгляд — к столу, к чему-то невидимому. Алина наблюдала, как он принимает какое-то внутреннее решение.

— Идите домой, Соколова.

— Вы знаете, кто живёт за стеной?

— Идите домой.

В голосе не было угрозы. Но там было что-то плотное, закрывавшее путь к следующему вопросу.

Алина встала. Пошла к двери.

— Соколова.

Она остановилась. Не обернулась.

— Будьте осторожны. — Долгая пауза. — Это не фигура речи.

Она кивнула — он не видел кивка. И вышла.

* * *

В коридоре прислонилась плечом к холодной штукатурке. Дышала.

Он знал номер её комнаты. Или не знал — и сейчас zapomнил. И то и другое означало что-то.

Когда он сказал «будьте осторожны» — в голосе не было ни холода, ни официальности. Там было что-то, что звучало как беспокойство. Настоящее. Неуместное. Именно поэтому — пугающее.

* * *

Дома легла не раздеваясь. Смотрела в потолок.

В час ночи телефон завибрировал. Тот же номер.

Ты была у него в кабинете.

Алина смотрела на экран. Долго. Потом написала впервые — первый раз ответила.

Кто ты?

Три точки появились. Исчезли. Появились снова. Исчезли.

Ответа не было.

И Алина впервые подумала: а что, если человек за стеной — не жертва всей этой истории? А что, если — её часть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.